

Павел Кондратьев

Дача до полуночи

<https://litres.ru/74137148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда старый дом хранит гораздо больше, чем стены и крышу.

Несколько друзей приезжают на старую семейную дачу, чтобы встретить Новый год и наконец решить её судьбу. Дом давно требует ремонта, вокруг него уже кружат застройщики, а продажа кажется самым разумным выходом.

Но странные происшествия начинаются с первого же дня. Исчезает шампанское. Сосед ведёт себя подозрительно. Неожиданный Дед Мороз знает слишком много. А среди гостей оказывается человек, приехавший сюда вовсе не ради праздника.

Пока за окном кружит снег, каждому предстоит сделать выбор между выгодой и совестью, прошлым и будущим, одиночеством и дружбой. Ведь иногда один вечер способен изменить не только судьбу старого дома, но и жизнь людей, которые давно забыли, что такое настоящий семейный очаг.

Тёплая, добрая и немного смешная история о дружбе, любви, памяти и выборе. О том, что самые ценные вещи невозможно измерить деньгами. И о том, что домой можно вернуться даже тогда, когда кажется, что дорога давно потеряна.

Павел Кондратьев

Дача до полуночи

Дача до полуночи

новогодняя повесть

Глава первая. Дорога

Снег пошёл ещё в обед, а к вечеру трасса превратилась в белый коридор без начала и конца — только редкие столбы, торчащие из сугробов, напоминали, что где-то здесь всё же проходит дорога, а не просто лес.

Борис вёл машину так, будто участвовал не в новогодней поездке, а в спецоперации: руки на «десять-два», взгляд прямо, ни одной лишней эмоции на лице. Только желваки иногда двигались — когда с заднего сиденья доносился харак-

терный звук отвинчиваемой крышки.

— Фёдор, — сказал он, не поворачивая головы. — Мы час назад выехали.

— Так дорога длинная, — вздохнул Фёдор, пряча флягу за пазуху с ловкостью человека, которому не впервой. — Организм требует профилактики от простуды.

— Ты каждый год «профилактируешься» с ноября.

— Так и простуда каждый год начинается с ноября. Логично же.

С заднего сиденья донёлся смешок — это Руслан, не отрываясь от телефона, качал головой.

— Мужики, а у меня в новом заведении повар из Лиона появился, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Знаете, что он делает с уткой на цитрусовой подушке...

— Знаем, — хором ответили все, включая Вадима, который до этого молча смотрел в окно, прижав к груди гитару, будто это был не инструмент, а ребёнок, которого укачивают в дороге.

— Вы не знаете, — обиделся Руслан. — Вы вообще не цените высокую кухню. У вас у всех вкус, простите, дачный.

— Мы ценим, когда доезжаем до места, — сказал Борис. — А кухня твоя нас потом ещё удивит, я подозреваю.

Дорога сузилась, сосны по обочинам стояли так плотно, что казалось — лес нарочно не хочет пускать машину дальше, проверяет на прочность. Дворники еле справлялись со снегом, который шёл крупными, ленивыми хлопьями, будто

кто-то наверху решил, что торопиться сегодня решительно некуда.

— А ты вообще уверен, что нам обязательно на Новый год именно туда тащиться? — спросил Руслан, наконец отложив телефон. — Дом на отшибе, связи почти нет, до магазина час пешком по такому снегу. Может, всё-таки в этом году в городе, по-человечески?

Борис не ответил сразу. Он смотрел на дорогу, но было видно — думает о другом, о чём-то, что не хочет произносить вслух раньше времени.

— Нотариус сказал, документы подписать сразу после праздников, — произнёс он наконец ровным голосом, каким обычно докладывают о погоде. — Раз всё равно ехать, пусть лучше всей компанией и по-человечески. Дед бы не одобрил, если б мы туда явились только бумажки подмахнуть и обратно.

— Документы какие? — насторожился Фёдор, убирая флягу поглубже, будто разговор об официальных бумагах требовал трезвости.

— Наследство. Формальности, — сказал Борис слишком быстро и слишком буднично — так говорят люди, которые хотят, чтобы тему закрыли раз и навсегда.

Фёдор не стал допытываться — за годы дружбы он научился отличать, когда Борис действительно не хочет говорить, а когда просто стесняется. Сейчас это было что-то третье, незнакомое, и оно ему не понравилось.

Вадим, до этого молчавший, посмотрел на Бориса внимательнее обычного, но тоже ничего не спросил. У него всегда было чутьё на то, когда человек чего-то недоговаривает — может быть, потому что сам постоянно недоговаривал больше, чем говорил, и узнавал в других свою же привычку прятать важное за скучными словами.

Машину тряхнуло — колесо ушло в невидимую под снегом яму. Руслан охнул, прижав телефон к груди, будто спасал не гаджет, а какую-то святыню.

— Осторожней там, — буркнул он.

— Это лес, Руслан, а не Рублёвка, — отозвался Фёдор. — Тут ямы не спрашивают, богат ты или нет, у них своя демократия.

Впереди, между стволами, мелькнул свет — одинокое окно, жёлтое пятно в синих сумерках. Дача дяди Вити, соседа, стояла первой на пути, и, судя по дыму из трубы, старик уже был на месте — и, как всегда, явно кого-то поджидал, хотя формально ждать ему было некого.

— О, гляньте, — сказал Фёдор. — Дядя Витя уже здесь. Значит, будет на что поворчать первым делом.

— Он всегда здесь раньше нас, — сказал Борис тихо, почти про себя. — Как будто специально приезжает загодя, чтобы всё осмотреть, прежде чем мы явимся.

Никто не придал этому значения. А зря — потому что в этой маленькой детали, если бы кто-то из них присмотрелся, уже была спрятана вся история наступающей недели.

Машина, буксуя, преодолела последний подъём перед участком, и в свете фар показались занесённые снегом ворота — покосившиеся, но крепкие, как и всё, что строил когда-то дед Бориса.

— Приехали, — сказал Борис, глуша двигатель, и в наступившей тишине было слышно только, как ветер перебирает верхушки сосен — будто дом, много месяцев простоявший в одиночестве, наконец-то узнал шаги тех, кого ждал.

Глава вторая. Дом у леса

Дом встретил их темнотой и запахом нежилого дерева — тем особенным духом, который бывает только у дач зимой: смесь мороза, старых обоев и чего-то неуловимо детского, будто сам воздух помнил прошлые новогодья лучше, чем люди.

— Так, — сказал Борис, отряхивая снег с плеч в дверях. — Печь топим сразу. Иначе к утру примёрзнем к дивану, и придётся отогревать вас паяльной лампой.

— Романтика, — вздохнул Руслан, оглядывая комнату с плохо скрываемым ужасом столичного жителя, впервые за много лет оказавшегося без центрального отопления. — А душ здесь вообще предусмотрен, или мы, как предки, снегом обтираемся?

— Снегом полезнее для мужского здоровья, — авторитетно заявил Фёдор, уже деловито разбирая пакеты с провизией. — Кстати, о здоровье. Кто вёз шампанское?

Повисла пауза — та самая, короткая и неловкая, которая случается, когда важное дело оказывается ничьей зоной ответственности.

— Я думал, ты, — сказал Вадим.

— Я думал, Руслан, у него же ресторан, у него этого добра должно быть завались.

— Я думал, это привозят автоматически, как в хорошем отеле, — честно признался Руслан.

Борис молча полез в багажник и достал из-под запасного колеса пакет с двумя бутылками, завёрнутыми в старую газету, как что-то драгоценное.

— Дед всегда так делал, — сказал он, ставя бутылки на стол. — Прятал под запаску. Говорил: если найдут вору, пусть лучше машину заберут, чем праздник испортят.

Он сказал это с полуулыбкой, но глаза на секунду сделались грустными — и снова спрятались за обычной суровостью, как за поднятым воротником.

Печь разгорелась не сразу, дымила, спорила с растопкой, но постепенно дом начал понемногу оттаивать, наполняясь тем особым теплом, которое приходит не столько от огня, сколько от голосов и смеха в промёрзших стенах. Фёдор уже успел найти где-то в шкафу старую доску для нарда, потемневшую от времени, Вадим настраивал гитару, аккуратно, будто боялся разбудить кого-то спящего в её струнах, а Руслан, сдавшись обстоятельствам, признал вслух, что тушёнка с мороза пахнет как-то особенно правильно — хотя ещё

утром клялся, что «на дух не переносит консервы».

В дверь постучали — резко, требовательно, будто стучал не сосед, а инспекция, явившаяся с проверкой.

На пороге стоял дядя Витя, в тулупе, с занесённой снегом шапкой и с лицом человека, у которого давно накопилось, что сказать, и он твёрдо намерен это высказать до конца вечера.

— Ну что, наследнички, — сказал он вместо приветствия.
— Явились наконец.

— Дядь Вить, здравствуйте, — сказал Борис ровно, шагнув навстречу и, вопреки обычной суровости, обняв старика за плечи — крепко, по-настоящему.

— Здравствуйте, — передразнил дядя Витя, но объятие принял, и голос его на секунду смягчился. — Год не показывались, а теперь здрастье. Дом-то стоит, между прочим, скучает. Летом крыша чуть не потекла — я чинил, между прочим. Один, в семьдесят два года, по жаре на этой крыше сидел.

— Спасибо вам, — сказал Борис. — Правда, дядь Вить. Не знаю, что бы без вас делали.

— Спасибом сыт не будешь, — буркнул дядя Витя, но было видно — подобрел, оттаял чуть быстрее, чем дом. Он прошёл внутрь без приглашения, по-хозяйски, и сразу цепким взглядом окинул стол. — Шампанское-то одно на пятерых? Негусто на такую ораву.

— Две бутылки, дядь Вить.

— Я и говорю — негусто. — Он снял тулуп, повесил на гвоздь, который явно помнил с прошлых визитов, и сел за стол так уверенно, будто был здесь как минимум совладельцем недвижимости. — А документы подписывать когда собираетесь?

Борис замер на секунду — ровно настолько, чтобы это заметил внимательный наблюдатель, но не заметили остальные, занятые печкой и нардами.

— После праздников, вы же знаете.

— Знаю, знаю, — дядя Витя прищурился, глядя на Бориса чуть дольше, чем требовал обычный разговор за столом. — А остальные-то в курсе, что там за документы?

— Дядь Вить, — в голосе Бориса появилась знакомая старику интонация, означавшая «довольно».

— Молчу, молчу, — старик поднял руки в притворной капитуляции, но взгляд у него был совсем не такой безобидный, как этот жест.

Руслан, не улавливая подтекста, уже разливал чай по разномастным кружкам, найденным в шкафу.

— А правда, что там за бумаги? — спросил он лениво, ни на секунду не отвлекаясь от процесса. — Борь, ты весь вечер как-то темнишь, я заметил ещё в машине.

— Наследство оформить, я же говорил, — сказал Борис, и в этот раз тон был чуть жёстче обычного — как забор, который выставляют, когда не хотят, чтобы дальше распрашивали.

Дядя Витя хмыкнул в усы и отвернулся к окну, за которым мела метель, и в этом хмыкании было что-то такое, отчего Вадим, перестав перебирать струны, вдруг посмотрел на старика внимательнее.

В окно дядя Витя смотрел не просто так — где-то там, за соснами, в темноте, светился ещё один огонёк. Чужой. Новый. Тот, которого раньше здесь не было.

— А это что за свет? — спросил Вадим первым, кивнув в сторону окна.

Дядя Витя ответил не сразу, будто взвешивал, стоит ли вообще заводить этот разговор.

— А это, — сказал он наконец, — соседей себе завели. На выходные, говорят, приехали. — Он снова хмыкнул, уже не так весело, как в начале вечера. — Только вот что странно — дом-то этот сто лет пустовал, с тех пор как Игнатьевы в город перебрались. И вдруг на тебе.

Никто, кроме Вадима, не придавал этому значения. Компания расселась за столом, зазвенели кружки, Фёдор начал раскладывать нарды, объявив, что «правила знает только он один, остальные пусть учатся по ходу игры», и вечер медленно, но верно покатился к тому, ради чего они все, собственно, сюда приехали — к простому, тёплому, немного нелепому семейному празднику.

Только огонёк за соснами продолжал гореть, будто ждал чего-то своего.

Глава третья. Соль

Стук в дверь раздался, когда Фёдор уже разложил нарды, а Руслан пытался объяснить дяде Вите разницу между рестораном и обычной столовой — разговор шёл туго, потому что дядя Витя был твёрдо убеждён, что разницы нет никакой, кроме цифр в чеке.

— Открыто? — раздался женский голос из-за двери, и все, включая дядю Витю, одновременно замолчали, будто по команде.

Борис открыл. На пороге стояла женщина в белом пуховике, с шапкой, залепленной снегом, и с выражением лица человека, который замёрз, но не собирается это показывать никому и ни за что.

— Извините, ради бога, — сказала она, отряхивая снег с плеча свободной рукой. — Я в доме напротив остановилась, а соли нет вообще, представляете? Приехала готовиться к материалу о вашем настоящем русском Новом годе, а сама даже суп посолить не могу. Смешно, да?

— Заходите, что вы на пороге стоите, — сказал Борис, посторонившись, и голос его прозвучал на полтона мягче обычного, что не укрылось ни от Фёдора, ни тем более от Вадима.

Она вошла, и комната как будто стала на размер меньше — так иногда бывает, когда в помещение входит человек, вокруг которого сама собой образуется всеобщее внимание, независимо от его желания.

— Любава, — представилась она, стягивая шапку. Снег

на волосах тут же начал таять, оставляя капли, похожие на растревоженные бусины.

— Журналистка? — переспросил Руслан, оживившись мгновенно, будто кто-то щёлкнул невидимым тумблером. — О, у меня, кстати, ресторан в Москве, могу многое рассказать про настоящую русскую кухню, если материал об этом...

— Материал о том, как люди по-настоящему встречают Новый год, — уточнила Любава с улыбкой, в которой сквозила профессиональная вежливость человека, привыкшего мягко осаживать чужой напор, не обижая. — Не в ресторанах с приглашёнными поварами из Лиона, а вот так — на дачах, в снегу, без интернета и связи с большим миром.

— Wi-Fi у нас, кстати, тоже нет, — вставил Фёдор с неожиданной гордостью, будто отсутствие связи было их главным туристическим достижением.

— Замечательно, — сказала она, и было решительно непонятно, шутит она или говорит вполне серьёзно.

Дядя Витя, до этого сидевший молча в углу, вдруг подался вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.